

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СПРЯТАННЫЙ ГОРОД 7

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. РОДНЯ ПОГАНАЯ 95

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. УСПЕШНЫЙ УСПЕХ 213

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. СТАЛЬНАЯ ВАТА 317

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ВОСЬМИЛИКИЙ БОГ 409

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. ЩУЧЬЕ ВЕЛЕНИЕ 501

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СПРЯТАННЫЙ ГОРОД

Я очень волновался. В наш город приезжал важный гость. Я должен был его встретить, устроить на жительство и потом повсюду сопровождать — гидом и консультантом.

Никогда прежде я не выступал в такой ответственной роли.

Честно признаться, я приезжих не очень люблю, как и многие другие у нас.

Но сегодняшний гость, повторю, был особенный, даже легендарный.

В конце декабря, под самые новогодние праздники, пришла к нам сильная оттепель, щедро навалило мягкого снега, потом начались неприятные ледяные дожди, вдруг перемежаемые метелями, с озера крепко задувало сырым и горьким — а перед Рождеством грянул мороз.

Нынче ночью дотянуло до минус тридцати пяти.

Позавчера ещё вода текла по улицам, а сегодня сугробы обратились в камень. Люди скользили и падали. Машины у многих просто не завелись, а кто смог выехать со двора — быстро пожалел.

Я же парень хоть и молодой, но опытный, машина моя хоть и маленькая, зато вездеход, имеет систему подогрева как раз на случай жестоких стуж, а они по нам ударяют каждый год — такой климат, ничего не поделаешь.

Со своей окраины я аккуратно доехал до железнодорожного вокзала; на стоянке — ледяные бугры, накаты, колеи, процарапанные шипованными колёсами.

Местные таксисты, числом пять, по их общему обычаю свои машины заглушили, чтоб не тратить бензин; четыре мужика набились в пятую, заведённую, и в ней грелись.

Экспресс Москва — Ярославль прибывал в восемь утра, стоянка — две минуты, но за малое время поезд исторг из себя сотенную толпу разноцветных гостей, обмотанных шарфами, все молодые или едва средних лет, возбуждённые. Оригинальный сорт людей, так называемые внутренние туристы. Небедные граждане, уже побывавшие и в Европе, и в Азии, и в Италии, и в Индии. В новейшие времена, когда жизнь сильно подорожала, поездки в Италию и Индию стали им не по карману или просто надоели, и теперь эти неутомные люди путешествовали внутри страны. Вместо Гоа или Канарских островов ездили на Горный Алтай, на Байкал, на Камчатку и потом неизбежно обращали внимание на то, что поближе, — на города Золотого кольца, старого и надёжного маршрута ещё с советских времён: Владимир, Суздаль, Кострома, Ярославль, Углич и так далее. Древние храмы, обомшелая история, стены и башни, монастыри, кремли, музеи, бесчисленные реликвии... На этом пути, переходя от более известных мест к менее известным, такие внутренние туристы однажды добирались и в наш отдалённый уголок.

Сошедшие с перрона разделились на две неравные группы. Местные — немногочисленные, одетые гораздо скромнее, но тоже тепло — быстрым шагом пошли в обход вокзала сразу на автомобильную стоянку — их встречали родственники и друзья. Туристы же, яркие и шуршащие, как конфетные фантики, выходили в город через здание вокзала; тут я и встал, держа на уровне груди плакатик — лист бумаги с крупными буквами: ГЕОРГИЯ ВОРОШИЛОВА.

Прошли мимо несколько шумных компаний молодых людей, в красных и жёлтых горных пуховых куртках и модных овчинных ушанках, с объёмистыми рюкзаками, весёлые, заранее настроенные на получение удовольствия, и ещё множество пар, он и она, с чемоданами на колёсиках, — романтические путешественники.

Иные прибывшие, ловко сдёрнув зубами с руки рукавицы, голыми пальцами шарили по экранам телефонов, устанавливая связь со встречающими, а те, законтаченные, в ответ поднимали руки — и произошло несколько радостных смычек приезжих и здешних с возгласами и приветствиями.

В старые времена наезжали и иностранцы, любители русской экзотики, но теперь путь к нам им был перекрыт. Я уже много лет не видел у нас туристов из других стран, и даже китайцев к нам не возят. Нынче, как и в прошлые дни, приехали только свои.

Все они выглядели ошалевшими. Наш колючий холод жестоко ударил им в ноздри: они выезжали из Москвы в минус пять, а у нас тут к утру милосердно потеплело до минус тридцати.

Наконец и она подошла, улыбнулась осторожно, но всё же открыто, улыбка прекрасная, светлая.

Рост мой ниже среднего, а гостя была вровень; это вызвало у меня безотчётную симпатию.

Лицо — спокойно поднятое, большие внимательные глаза.

— С приездом, — сказал я. — Добро пожаловать в Ростов Великий.

Рюкзак она отдала с видимым облегчением, я перехватил — оказалось довольно тяжело.

Не теряя времени направились к машине.

Походка её мне тоже понравилась: лёгкая, решительная — такая бывает у тех, кто всегда точно знает, чего хочет.

Кроме рюкзака у неё на одном плече, с надёжной лямкой накрест через шею, висел бережно прижимаемый локтем плоский полотняный планшет, в каких художники носят свои рисунки; на другом плече, опять же с лямкой накрест, — кожаная компактная сума со множеством карманов. Перехваченная по груди ремнями наподобие пулемётных лент

гостя выглядела воином в боевом походе. Впрочем, так оно, вероятно, и было.

В машине я слушал “Чужие люди” Моррисона, и, когда включил зажигание, загудела музыка, гитарное и клавишное бряцание полувековой давности. Из вежливости я убавил громкость на самый минимум, но Ворошилова сказала:

— Не надо, оставьте.

Я выполнил просьбу.

— Нравится Моррисон? — спросил.

— Конечно, — ответила она. — Классика психоделики.

— У меня только такая, — сказал я. — Хиппанские гимны.

— Уважаете хиппи?

— Я сам хиппан.

— Отлично, — сказала Ворошилова.

— Моего отначальника, — сказал я, — звали Иоанн Власатый. А кто в мировой культуре самые волосатые? Хиппаны. Вот и я хиппан.

— Прикольно, — ответила гостя вполне простецким тоном; я подуспокоился.

Пока всё шло лучше, чем ожидалось.

Мы ещё поговорили про хиппи и хиппанский тяжёлый рок — на самом деле присматривались друг к другу.

При знакомстве, особенно если человек важен и нужен, лучше сначала размять боковые, второстепенные темы.

Город у нас невелик, доехали быстро. Правда, когда свернул с дороги в свой переулок, последние двести метров переваливал понемногу, через ледяные скибы.

Тут меня обогнал местный рыбак, оснащённый по последнему слову техники: ревуший мотором гусеничный транспортёр, за ним на буксире широкие пластиковые сани — волокуша. Сам же рулевой — горбатое чудище в двух зипунах, натянутых один на другой.

— Ничего себе, — сказала Ворошилова. — Это что такое?

Я рассказал: гусеничные мини-транспортёры у нас называют “собаками”, и ездят они по озеру — для зимней рыбалки самая удобная техника; водительские права не нужны, и часто рыбаки гоняют на “собаках” не только по озеру, но и по улицам.

— Что же он, — спросила Ворошилова, — поехал на рыбалку в такой страшный мороз?

— А в этом весь кайф, — ответил я и повернул к своим воротам.

Дом мой — в самом конце переулочка, в череде многих других примерно таких же домов, маленький, но очень приличный, в два этажа, с просторным двориком, с окнами на озеро; вокруг — сплошной забор. Дом куплен двадцать лет назад: прежний хозяин решил переехать в Ярославль и забодол недвижимость надёжным людям. А мы, ростовские истуканы, хоть и не вполне люди, зато самые надёжные. Наверное, надёжней нас тут и нет никого.

— У меня прохладно, — предупредил я гостью. — Уж извините. Перед вашим приездом постарался натопить, но, по-моему, не получилось.

— Ничего, — сказала Ворошилова, — холод полезен для кожи.

— Вам виднее, — сказал я.

Она предложила перейти на “ты”, я согласился и повёл наверх, показал комнату, заблаговременно приготовленную, отдраенную, на постели — свежайшее бельё, душевая кабина сверкает, а из большого окна — вид на наше прекраснейшее озеро во всю его невероятную ширь. И Ворошилова замерла, глядя на рассветное сияние, — оно у нас бывает только зимой и только в самые морозы. Ярчайшая пунцовая полоса во весь горизонт, небесный пожар между землёй и небом... Потом алый занавес расслаивается на радужные цвета в их обычном порядке: внизу красный, выше оранжевый, жёлтый и прочие.

Я предложил подождать ещё, и мы какое-то время молча стояли плечом к плечу, наблюдая, как выкатывается солнечный мяч, опять же сначала малиновый, потом красный и, наконец, золотой, всепобеждающий.

— Отдыхай с дороги, — сказал я, — потом спускайся, будем завтракать. Но сначала вот тебе подарок от меня, в честь приезда. — Протянул, объяснил: — Браслетик серебряный, бляшки на нём медные. При ходьбе слегка позвякивают и отгоняют злых духов.

Гостья спокойно протянула руку, позволила надеть на запястье.

— Тут раньше жил народ меря, — сказал я. — Не славяне, финно-угры. Их женщины ходили все увешанные такими штуками с ног до головы. Ходили и звенели, за пять шагов было слышно. Теперь я делаю такие браслеты на продажу. Маленький бизнес.

Ворошилова тряхнула рукой, и бляшки издали глухой звук.

— Круто, — сказала она. — А ты тоже меря?

— Я истукан. У нас нет этнической принадлежности. Мой отначальник, настоящий живой Иоанн Милостивый, или Власатый, пришёл сюда из Германии. Он мог быть саксонцем, франком. Но мог быть и греком. Про него мало что известно. Жил в шестнадцатом веке, в правление Ивана Грозного. Нетленные мощи Иоанна Власатого находятся тут, в Ростове, завтра ты на них посмотришь. А сегодня — отдых, обустройство. Пойдём, перекусишь с дороги чем бог послал.

Шли последние дни Рождественского поста, но я полагал, что современная столичная девушка вряд ли соблюдает традицию воздержания, и выставил скромный пирог с мясом. Прочие блюда были постные, зато деликатесы — наши местные, ростовские, все домашнего приготовления: квашеная капуста со злейшим красным луком, солёные огурцы, котле-

ты из щуки, икра — тоже щучья, копчёный лещ, монастырский квас и монастырская же медовуха, и то и другое — с градусами. Какие ёмкости подавать под медовуху, я не знал, забыл глянуть в интернете, но помнил, что под пиво нужны кружки, а под вино — бокалы, а поскольку медовуха крепче пива, то выбрал бокалы.

Когда гостья спустилась, я ей наперво предложил полный бокал для согрева, и она согласилась весело и охотно.

Вышла прибранная, переделась в макси-юбку и вязаную кофту, щёки облиты морозным румянцем, волосы тёмно-русые, короткие, стан прямой. Ела с аппетитом.

После стаканчика медовухи расслабилась гостья, глаза её заблестели, жесты стали свободнее, смех звонче.

Очень приятная молодая женщина: уверенная, смелая. Не красавица: чуть тяжеловат подбородок, скулы высокие, татарские, крылья носа резко вырезаны.

Я положил на стол ключи.

— Весь дом — твой, на любой срок. Живи сколько хочешь. У тебя будет пансион: утром — завтрак, вечером — ужин, а обедать будем в городе. У нас отличные рестораны. Если хочешь, можешь готовить сама, составишь список продуктов — я привезу. Вот пароль от вай-фая, а это на всякий случай телефон моего брата, старшины нашей ростовской общины, его имя — Авраамий. Сегодня вечером познакомитесь.

— То есть я буду тут жить одна? — спросила Ворошилова.

— Я же сказал: мой дом — твой дом. Я поживу у брата.

— Это не дело, — решительно сказала гостья. — Я не хочу никого стеснять.

Я засмеялся.

— А как ты меня стеснишь? Я же деревянный. Холода я не чувствую, спать мне не надо, есть-пить — не надо. Я вообще, если хочешь знать, зимой почти всё время на улице

провожу, под открытым небом. Меня вырезали из кипариса, дерево старое, кстати — дорогое, перепады температуры для него нежелательны. Если всё время ходить с холода в тепло — однажды пойдут трещины. Я и ночью тоже во дворе: под навесом стою — и размышляю. Или молюсь, или медитирую, или немотствую. Так что ты никак меня не утеснишь.

— Всё равно, — возразила гостья, — живи тут, пожалуйста! Мне одной будет страшно. Тем более такой мороз, вдруг отопление сломается?

Я опять засмеялся. От женщины веяло живым теплом, от этого поднималось настроение, всё вокруг становилось цветным, ярким и ласковым.

— Ничего не сломается. Я месяц готовился к твоему приезду, всё починено и проверено. Если гостья окажется недовольна хоть в малой степени — мне влетит.

— То есть тебя накажут?

Я кивнул.

— А как у вас наказывают? — спросила она, глядя мне в глаза. — Вы же деревянные, вам всё пофигу.

— Нет, не всё. Могут отказать в общении. Месяц со мной никто не будет разговаривать. Один раз такое было — очень неприятно, когда не с кем поговорить.

— А люди? У тебя есть друзья... ну, живые люди?

— Есть. Подруга. Кстати, меря.

— Подруга — в смысле “девушка”? — спросила Ворошилова.

— В смысле “подруга”, — ответил я. — Ничего такого. Ты давай закусывай, медовуха крепкая.

Она взросло усмехнулась:

— А тут не Москва, тут воздух чистый, свежий. На свежем воздухе хмель быстро выходит. Так что ты, Иван, за меня не беспокойся. — И точным движением, звякнув бляшками подаренного браслетика, налила себе ещё.

Эти простейшие действия — назвать меня по имени, самостоятельно наполнить бокал — чуть отодвинули её от меня, установили дистанцию; всё же мы были не друзья и даже не добрые знакомые. Она — живая женщина, известная московская художница, приехавшая по специальному приглашению, особенный визитёр, важный, VIP-персона в чистом виде. Я знал про неё только то, что написано в интернете, а мало ли что там написано. Ну и Авраамий, брат мой старший, кое-что добавил, но немного.

Однако она знала про меня ещё меньше, про меня в том же интернете не написано ровным счётом ничего. И про моего брата тоже.

И про весь наш народ — ничего.

Мы не оставляем цифровых следов.

Она приехала к нам впервые. Меня заранее предупредили: ничего не знает, не видела. Это было важно. Погружать человека в наш потайной колодец — дело постепенное, спешка повредит. Турист, прискакавший на полдня, никогда ничего не поймёт. И даже если ночь переночует — не поймёт.

Поэтому первой своей задачей я полагал — совлечь гостью с туристической волны. Она была не поверхностный турист, не верхогляд. Она приехала отдохнуть, развлечься — но и по делу. Спешить не надо. У нас всё делается небыстро. У нас особенные отношения со временем. Чужой поймёт не сразу. Время не летит, не ползёт — крадётся. Астрономическое время исправно тикает: часы, дни, недели, месяцы... В тонком, волшебном мире время стоит: ничего не меняется в храмах, те же свечи горят перед теми же гробницами святых, тот же запах ладана перед образами — как было тысячу лет назад, так и теперь есть. А в мире тайном, скрытом, времени и вовсе нет: ни вчера, ни сегодня, ни завтра. Есть то,

что есть, и есть то, что должно пребывать вовеки, всегда. Но к пониманию ключевого принципа истории — “всегда” — ещё надо прийти, и путь долог. Прыгая через три ступеньки, к знанию не взойдёшь.

Наевшись, напившись, охмелев, наслушавшись моих рассказов, гостя ослабела, оттаяла и попросилась отдыхать: всё же путь из Москвы был если не слишком долгим, но довольно изнурительным, в общей сложности — полдня, да ещё мощный температурный перепад вдобавок.

Ушла по лестнице наверх; я посмотрел ей в спину: стройная, ладная, как будто спортом всю жизнь занималась — а я и не спросил. Потом спрошу.

Прибрал со стола. Обьедки в пакет покидал — отдам соседу, у него есть кошка и собака. Глянул на термометр: в доме почти плюс двадцать. Живой человек пришёл, поселился, горячий от его дыхания, от его тела разошёлся жар.

Такого жара мы, деревянные, не знаем. Не умеем жить горячей жизнью настоящих горячих людей. Многое умеем, почти всё умеем — а этого не умеем.

Написал старшим сообщение, обоим — одно и то же: “Встретил, поселил, пока всё нормально”.

Представил, чем они сейчас занимаются. Авраамий, вероятно, наглаживает брюки и рубаху, вид глубокомысленный. Вполглаза смотрит телевизор — старшее поколение не умеет жить без телевизора. А телевизор в его избе стоит так, чтобы проходим было видно через окно, для создания иллюзии: вот в доме обретается обычный человек, в его жилье горит голубой экран. Таков наш конспиративный приём, один из множества. На самом деле Авраамий прожил без телевизора три с половиной столетия и нормально обходился. Отними у него телевизор — ничего с ним не будет.

А что Анна? Она оттирает полы в избе, как привыкла, речным песком. Изба и так дочиста отмыта, однако по слу-

чаю скорого прибытия важной гостии внеплановая уборка неизбежна, обязательна. Вчера я сделал так же.

Там, где мы живём, всё доведено до идеального блеска. Истуканы не спят, у них много времени, гораздо больше, чем у настоящих людей. Всегда можно изыскать час-другой, чтоб упорядочить доступный кусок реальности. Не так ли сказано и в священной книге: “Кто соблюдает себя в чистоте, тот будет сосудом ценным, освящённым, полезным хозяину дома, готовым для всякого доброго дела”.

А то, что я сосуд ценный, для меня очевидно. Правда, неясно, насколько ценный.

Привёл в порядок кухню, стараясь не шуметь.

Чтобы выехать из Москвы на шестичасовом поезде, художница Георгия Ворошилова, или Гера — так она просила себя называть, сегодня проснулась в четыре часа утра. Живые люди, особенно молодые женщины, в такую рань вставать не любят. Это я отлично знаю, хоть и деревянный. Теперь гостя будет спать до обеда или дольше. Точнее, “досыпать”, — так они говорят.

А я поехал дальше: день сегодня сложный. Заболел друг, надо было помочь.

Снова, второй раз за утро, завожу свою вездеходку; отверзаю ворота, звенящие на морозе; выезжаю; колёсные шипы сурово хрустят по серому льду.

На столе оставил записку, составленную, как мне кажется, в деловом и одновременно богемном московском стиле: “Вернусь к 14:00. Ещё раз — добро пожаловать в Спрятанный город! *Welcome! Enjoy!* Иван”.

На чужих языках я не говорю, но знаю некоторые английские слова — они сами собой выучились по текстам старых хиппанских песен.

Я уверен, что московская пришелица свободно владеет английским, иначе какая же она модная?

Я так и не смог привыкнуть к тому, что живые люди всё время чем-нибудь болеют. Сам факт ужасной уязвимости их тел, проницаемых для всякого вируса или микроба, понять нетрудно. Гораздо сложнее научиться жалеть.

Жалко их очень. Они беззащитны перед недугами.

Своих сородичей, деревянных, я никогда не жалел, хотя, если разобраться, живётся нашему брату много труднее. Мы нелегалы, мы вынуждены действовать с оглядкой. Живые не знают, что это такое.

Но когда живой, твой товарищ, к тому же девушка, падает с температурой, начинает кашлять — невыносимо жалко его.

При себе я имел два списка; с одним забежал в аптеку, набрал таблеток и микстур; второй отоварил в обычном магазине: имбирь, лимон и минеральная вода.

С двумя пакетами спасительных снадобий вошёл в квартиру.

Урма поблагодарила хриплым насморчным баритоном.

— Извини, — сказала, — напрягла тебя, надо было маму попросить.

Я промолчал. Мы уже это обсуждали. Если человеку двадцать восемь лет, ему лучше ни о чём не просить маму, надо уметь обходиться без мамы. Для побед над неурядицами нужны друзья. Не надо беспокоить маму, у мамы и так жизнь нелёгкая.

А друг — всегда подскочит и протянет руку помощи.

А что рука излишне твёрдая, деревянная — так про это никто не знает.

Сели на кухне, я на привычный свой стул; на плите исходил паром огромный чайник, окна запотели. Сырой горячий

чад не был полезен моему деревянному телу, но я об этом не думал. Ничего с ним не будет, с моим телом.

Тёмно-каштановые густые волосы Урма свернула узлом на затылке, открыв полностью широкое лицо, прихваченное лихорадочным румянцем; полные губы большого рта обметало сизоватыми трещинками, глаза поблёскивали: человек был нездоров.

— Ну и чего? — спросила она, размешивая в чашке кипятка и мёда. — Как там твоя московская звезда?

— Да вроде нормально всё, — ответил я. — Выздоровляй, и я вас познакомлю.

— Не, — сказала Урма лёгким тоном, — не хочу я с ней знакомиться. Может, потом как-нибудь.

— Потом она уедет, — сказал я. — Вроде бы изначально договаривались на три дня, но брат хочет, чтоб она пробыла неделю.

Урма села напротив.

— Что-то тут не то, — сказала она. — Как-то всё это немного странно. Модная, молодая, интересная, занимается древнерусской сакральной пластикой. Я же её погуглила, эту Георгию Ворошилову. У неё пять персональных выставок. А в Ростове Великом никогда не была. И вот приехала — но всего на три дня. Что такое три дня? Кругом-бегом, туда сходил, здесь погулял, и обратно в Москву... Это не-серьёзно.

Я вздохнул и ответил:

— Вообще — не хочу в это влезать, даже краем локтя. Я местный, великоростовский. Ко мне приехала чужая, московская. Она не в теме. Мне велели ей всё показать. Но показать надо не только места, но и людей. Я сразу подумал про тебя. Ты искусствовед, она художник. Давай я вас сведу?

Урма несколько раз отхлебнула из горячей чашки.

По мокрым окнам стекала вода.